

*Эту книгу я посвящаю друзьям:
Наталье Андрикеевой
Наталье Тюкавиной
Константину Ефимову
Александру Юрченко
Евгения Рассказова*

ГЛАВА 1

Я бежала. Бежала стометровку на городских юношеских соревнованиях. Мне страшно нравилось бегать в детстве. Больше всего я любила момент перелета над землей от одной ноги до другой...

Стояло первое по-настоящему теплое майское утро. Длинные тени кленов падали на беговую дорожку. Выходя на стартовую полосу, я смотрела на трибуну, где большая часть зрителей была одета в зеленое. Зеленый — мой любимый цвет.

Я не сомневалась, что приду к финишу первая. Мне даже не нужно было смотреть на своих соперниц. За минуту до свистка ко мне подошел тренер. Он присел рядом и сказал: «Ну что, готова, Марья Степановна? Давай, соберись. Ты должна сегодня прийти первой. Тогда 20-го мы едем в Прагу». Тренер отошел. Я в последний раз перед стартом проверила ощущение в ногах: сжала и отпустила мышцы стоп. Свисток — и мы полетели. Почему-то в самый

Евгения Рассказова

первый момент рядом со мной еще раз прозвучало: «Должна прийти первой». А через секунду появилось странное ощущение лишнего веса на плечах. Небольшого, но лишнего. Ногам приходилось делать дополнительное усилие, словно на меня повесили какую-то тяжесть. Я рвалась вперед, но метры не бежали мне навстречу так, как я привыкла. Что такое, что?! Вперед! Раз — два — три — раз — два — три — раз — два!.. На последних десяти метрах меня стала обходить бегунья справа. Еще две секунды! Финиш. Мой результат — второй. Это значит — никакой! Я обернулась, не понимая, что произошло, и увидела вокруг себя железные прутья клетки. Небольшой квадратной клетки. Как я оказалась внутри ее? Откуда она взялась?! Тренер бежал ко мне с одной стороны, брат — от трибуны. Я с силой ударила ногой по одному из прутьев и упала...

С тех пор меня не покидало ощущение, что я живу в клетке...

* * *

Сейчас я пребывала в некоторой оторопи по поводу того, что завтра к вечеру должна сдать заказчиком квартиру. Только вчера мы договорились об отсрочке на неделю, и вдруг...

Это была обычная двухкомнатная кирпичная хрущевка. Я возилась с ней последний месяц. Заказчиком был пожилой мужчина, который купил ее единственной дочери на восемнадцатилетие. У нас с ним сразу установились хорошие отношения. Он дал мне относительную денежную свободу и совсем не

лез в вопросы, касающиеся цвета штор и подушек. А именно в этих вещах клиенты очень любят поучать декораторов.

В первый день нашего знакомства я долго рассматривала фотографии дочки и просила рассказать о ее характере. Григорий Ефимович говорил о ней так подробно и вдохновенно, что стало понятно: его девочка — лучшая дочка на свете. Я слушала не перебивая и все время думала, стал бы мой отец кому-то рассказывать так обо мне. Конечно, нет. О таком отце я могла только мечтать.

— Простите, Маша, я, наверно, утомил вас своими историями, — произнес Григорий Ефимович на втором часу нашей беседы.

— Вовсе нет. Мне все интересно, — ответила я искренне. — Вы так рассказываете, что я стала уже представлять себе, как ваша дочка будет ходить по этим комнатам, заниматься своими любимыми делами. Мне это очень важно.

Он улыбнулся и кивнул. А на следующий день согласился со всеми моими предложениями и дал телефон шофера, которого я могу вызывать для поездок по магазинам. Работа шла легко.

И вот вчера было готово уже все, кроме штор. Их должна была сшить моя портниха, но неделю назад у ее сына случился какой-то приступ. Его положили в больницу с подозрением на гипертонию. А парню всего четырнадцать лет. Понятно, что мать вообще не в состоянии была что-либо сделать.

А сегодня утром совершенно неожиданно объявилась жена Григория Ефимовича, приехавшая из

Евгения Рассказова

Японии. Раскритиковала всю мою работу и заявила, что не стоит больше рассчитывать на мягкость ее мужа, потому что он в командировке. И шторы я должна доделать к завтрашнему дню, иначе она сократит последнюю выплату гонорара на треть.

Мне тут же захотелось уйти, хлопнув дверью. В другое время я именно так бы и поступила, но сейчас позволить себе такое не могла. Очень нужны были деньги. И я рассталась с этой дамой беззвучно. Она ушла из квартиры, а я потом долго мыла руки. В этот момент слова «ты должна» уже звучали у меня в левом виске, и я знала, к чему это приведет.

Появление клетки всегда было связано с мыслью «Я должна». Неважно, что именно, — это могло быть: даже то, чего мне очень хотелось, то, что мне нравилось делать. Как только оказывалось, что то самое, что нравилось, я была по каким-то причинам «должна», в ту же минуту появлялась клетка. И у меня пропадало всякое желание доделывать начатое.

Один знакомый фотограф объяснил мне однажды, как он справляется с плохими мыслями.

— Просто смотри на что-то... превратись в зрение, — говорил он слегка отстраненно, — следи глазами за движениями облака. Разглядывай решетку балкона на доме. Старайся запомнить, с мельчайшими подробностями, как выглядит чье-то лицо. Так, как будто тебе нужно будет потом описать его другому человеку. После этого если ты и вернешься

к своим проблемам, то поймешь, как их решить... или, может быть, окажется, что их и нет вовсе.

Его слова вспомнились мне в метро на эскалаторе. И я стала разглядывать женщину, стоявшую передо мной полубоком. Это было яркое существо лет сорока пяти с густыми рыжими кудрями и малиновыми губами. Она ни на кого не обращала внимания, вперив взгляд в одну точку перед собой. Может быть, перед ее мысленным взором находился сейчас некий поразивший воображение образ?

Когда женщина сошла с эскалатора и двинулась вперед, стало видно, что ее тело имеет удивительную конструкцию. При каждом шаге каждая половинка ее попы, обтянутой тугой шелковой юбкой, подпрыгивала вверх, как бы живя своей, отдельной от остального туловища, жизнью. Это производило неизгладимое впечатление на толпу, которая направлялась к вагонам. Через пару секунд за спиной моей необычной попутчицы выстроились в шеренгу трое мужчин, они шли, плотно сдвинувшись плечом к плечу, почти строевым шагом, совершенно не замечая друг друга. Их взгляды находились ровно на уровне ее попы. Чудное зрелище.

Войдя в вагон, я встала у дверей напротив входа. Рядом сидела девушка в розовой майке с надписью: «Поверни меня». Тоже смешно. Хорошо бы не думать ни о каких «долгах»! Не успела. Поезд тронулся, я автоматически схватилась за вертикальный поручень — и он почти обжег меня. Это был как будто один из прутьев моей клетки. А все прутья вместе вокруг меня издавали негромкий металлический

звон. Я закрыла глаза, а сердце стало стучать в моей ладони. Но мне не удалось сразу убрать руку. Не могу объяснить как, но в этот момент мне стало понятно, что клетка — это не что-то постороннее. Она является частью меня. Боже мой, как же я смогу это вынести? Этого даже нельзя никому рассказать. Никто не поверит. Никто.

ГЛАВА 2

Выйдя из метро «Краснопресненская», я взглянула на противоположную сторону улицы, на вход в зоопарк, и поняла, что сейчас мне нужно идти именно туда. Я не была в зоопарке лет пятнадцать, хотя последний год ходила мимо него каждый день.

Кассирша предупредила меня, что до закрытия осталось полчаса. Дорожки зоопарка были почти пусты, только парочка подростков, обнявшись, шла мне навстречу к выходу. Когда они прошли, стало совсем тихо. Так тихо, что хотелось идти очень медленно. Зажглись фонари, и большой пруд слева от дорожки сразу стал темным. А в моей памяти в этот момент всплыла картинка, где он был ярко-голубым.

Мне было около шести. Стояло теплое майское воскресное утро, мы с мамой, папой и трехлетним Вовкой шли по этой же дорожке. Мама сияла. Она была в моем любимом зеленом платье с перламутровыми пуговками. Свои каштановые волосы она уложила в высокую прическу, которая ей очень шла. Я гордилась тем, что у мамы такие красивые длинные волосы, в то время как большинство мам моих

подружек носили тогда короткие стрижки. Мои волосы не были такими длинными, но зато их держали заколки в виде бабочек, привезенные из-за границы папиной сестрой тетей Милой, и я замечала, что все вокруг смотрят на них.

Папа тоже выглядел нарядно: на нем были песочные брюки и белая рубашка с длинными рукавами, которые он закатывал выше локтей. Один Вовка был не такой чистый, потому что по дороге из дома успел уже три раза упасть.

Мы остановились посмотреть на лебедей, а когда обернулись, оказалось, что Вовка уже стоит на коленке и возит по асфальту свою новую пожарную машину, негромко рыча, как рычит мотор. Мама с папой засмеялись и подняли его за обе руки. Вовка заныл, и тогда мама начала отвлекать его:

— Смотри, какой маленький лебеденок!

Я уже знала, что это — прием. Мама объясняла: когда брат хныкал и чего-то требовал, лучше всего переключить на что-то его внимание. Правда, в последнее время прием все чаще не срабатывал.

— Смотри: это лебедь-трубач, — сказал папа, обращаясь ко мне. Он читал надпись на деревянной табличке у пруда. — Запомнила? Завтра расскажешь бабушке, кого ты тут видела.

— Хорошо, пап.

Мы шли дальше, и при каждой остановке история с Вовкой, который садился на землю повозить машину, повторялась. На третий или четвертый раз родители уже не смеялись, а отец раздраженно прикрикнул:

Евгения Рассказова

— Наталья, ну что, он у тебя не может идти нормально, как человек?

В этот момент мамин взгляд потух. Я хотела взять ее за руку, но она, не глядя на меня, наклонилась к брату и взяла его на руки вместе с его машиной. Мы шли дальше, но мне уже неинтересно было смотреть ни на каких зверей.

— Возьмись за папу, Марья, здесь можно потеряться, — сказала мама.

Мне не хотелось держаться за папу, и тогда он взял меня за запястье и стал тянуть за собой. Было понятно, что вырваться бесполезно. Наконец мы дошли до площадки с большой клеткой и остановились. Мама спустила Вовку на землю. Внутри клетки сначала никого не было видно. Я смотрела вглубь, где вокруг толстого дерева стояли какие-то ящики. И вдруг увидела там волчью морду. Волчица — а мне показалось, что это именно волчица, а не волк, — стояла там боком к нам, полускрытая зеленью, и глядела вдаль прямо перед собой. Потом вдруг она повернулась и посмотрела прямо на меня. Я замерла.

— Мамочка, — прошептала я, не шевелясь, и мама наклонилась ко мне.

— Что, Маша? — спросила она тоже шепотом.

— Посмотри! Она глядит прямо на меня!

Мама проследила за моим взглядом и тоже встретила глазами с волчицей.

— Правда, — сказала мама, — она тебя заметила.

— Мам! Волки — они опасные, да? — продолжала я шепотом, чтобы волчица не услышала.

Г Е О М Е Т Р И Я К Л Е Т К И

— Говорят, они не нападают на людей, если их не трогать. А волчицы — они очень заботливые, они любят своих детенышей.

В этот момент — я могла бы поклясться чем угодно — волчица улыбнулась мне. Эта улыбка длилась, может быть, всего пару секунд, а потом волчица повернулась и скрылась в небольшом отверстии в стене.

— Мам, ты видела? Она мне улыбнулась, правда? — спрашивала я, глядя в глаза маме.

— Правда, улыбнулась.

В этот момент к нам подошел папа.

— Маша, пойдем, я тебе что покажу.

— Подожди, пап. Сейчас, может, волчица еще выйдет.

Но папа снова взял меня за запястье и с силой потянул в сторону. Оказалось, он вел меня к табличке.

— «Волк степной», видишь? Вот так он называется, ты должна запомнить, — сказал папа.

Я вырвала свою руку из его и повернулась к маме. Мама смотрела на папу. Такого взгляда у нее я, наверно, никогда не видела. Он был холодный, серо-стальной, и название ему было — презрение. Но папа этого не видел. Мама снова взяла на руки Вовку, и мы пошли прочь от волчьей клетки.

В тот день мы видели еще много зверей, но я уже больше никого не запоминала. Всякий раз папа останавливал меня около очередной таблички и заставлял читать: «Слон индийский» или «Жираф африканский», как будто это действительно самое главное. В мамины глаза я уже боялась смотреть.

Евгения Рассказова

Когда к концу прогулки родители в очередной раз остановились, пытаясь заклеить брату разбитую коленку, я рванула вперед. Там был ряд птичьих клеток, я подбежала к одной из них, взялась за оградку и подтянулась вверх.

Несколько небольших птичек сидели на жердочках, которые были прибиты на разных уровнях к толстому бревну, стоявшему посередине клетки. Самая маленькая зеленая птичка слетела вниз и села на пол недалеко от меня. Она замерла, как мне показалось, разрешая рассмотреть ее, в то же время одним глазком разглядывая меня. Этот взгляд был и насмешливым, и дружелюбным.

— Какая ты красивая, — сказала я ей. И добавила: — Я не хочу знать, как ты называешься. Я не буду читать твою табличку.

Птичка слегка наклонила головку — кивнула.

— Я хочу быть с тобой, — сказала я ей очень тихо, в это время родители уже приближались. Надо было отходить, иначе папа обязательно потащит меня к табличке и прочтет надпись. — До свидания. — И она взлетела на самую высокую жердочку, а я спрыгнула с оградки и пошла вперед.

Картинка с далеким майским днем продолжала стоять у меня перед глазами, когда я поняла, что сейчас приближаюсь именно к тому месту, где когда-то были птичьи клетки. Интересно, они остались там или их перенесли? В зоопарке все перестроено... Стайка пищащих дошкольников пронеслась мне навстречу, я повернула туда, откуда они появились, —

и перед моими глазами оказался какой-то монструозный бронзовый памятник: колонна из разных зверей, стоящих друг у друга на головах. Внизу были слоны и черепахи, все с очень несчастным видом, на них давили хищники, а на самом вершине восседал гигантский орел с крыльями агрессора — видимо, это был символ России. Оказалось, что вокруг этой колонны полукругом как раз и расположены птичьи клетки. Боже мой, узнаю ли я свою птичку? И осталась ли она здесь?

На первой клетке было написано: «Обыкновенная белка». Но внутри я не увидела ни одной белки. Может быть, она появится, если подождать немного? Нет, не появляется. Во второй клетке жили совы. Табличка сообщала, что это западносибирский филин (ужасно пушистый, я даже не представляла, что бывают такие пушистые), длиннохвостая неясыть, а также совершенно неподвижная, с магически-пристальным взглядом, бородатая неясыть. Ее взгляд был обращен как раз на страшного бронзового орла.

Наконец, в третьей клетке находилось несколько небольших пестрых птичек, они сидели на веточках и жердочках, почти таких же, как в моем детстве. Надо разглядеть их получше. Вон птичка с зеленым брюшком, а спинка серая. Нет, моя, кажется, была не такая. Пovyше сидит другая, с черно-белой головкой и зеленым крылышком. Снова не похожа. Сверху спорхнула и сделала несколько бодрых скачков по полу еще одна, и при первом взгляде на нее я поняла — вот она, моя птичка. Темная головка с

Евгения Рассказова

зеленой полосой, желто-зеленое брюшко, оливковая спинка и крылышко в черно-зеленую полоску. Я смотрела внимательно, чтобы запомнить все эти приметы, и, кажется, проговаривала их вслух, а потом сказала:

— Какая ты красивая! Это ведь правда ты?

Птичка повернула головку набок.

— Как же тебя зовут? — спросила я так, будто действительно ожидала ответа, и вдруг сзади меня раздался глуховатый голос:

— Это чижик.

Я вздрогнула и обернулась.

— Извините, — позади меня стоял молодой человек в очках. Не сразу, может быть, через полминуты, я поняла, что у него очень грустные глаза, хотя он и улыбается. Крупное треугольное лицо с большими залысинами. Довольно крупный и не очень прямой нос. И грустные глаза. На нем была темно-зеленая стеганая куртка, один рукав обсыпан чем-то белым, кажется крупой. Мне сразу стало ясно, что этот парень здесь работает.

— Вы хотели знать, что это за птичка, — сказал он, как бы в подтверждение того, что остановился здесь не просто так, а по моей просьбе.

— Ну да. Хотела. Это моя старая знакомая. Мы с ней впервые познакомились лет двадцать назад. Могло такое быть? В смысле, они могут жить больше двадцати лет?

— Не уверен. Кажется, нет, — наморщив лоб, произнес он после паузы. — Не уверен, — повторил он. — Я вообще-то с водоплавающими работаю.

— С какими?

— Да со всеми.

— А-а. Понятно. А как вы с ними работаете? Что с ними нужно делать?

— Кормить. Заботиться. Много всякой работы, на целый день хватает.

Он обернулся на охнувшего филина, а потом спросил с некоторой осторожностью:

— Вы случайно не журналист?

— Нет. Я художник. Декоратор.

— Уже легче, — отозвался мой собеседник.

— Почему? — Я снова взглянула внутрь клетки, ища глазами своего чижика. В это время он уже сидел в другом месте, у кормушки, и всматривался в еду, которая там лежала. Вид у него был такой, как будто что попало он есть не собирается.

— Да что-то много их стало в последнее время.

— Что, мешают работать?

— Бывает.

Наступила пауза, казалось, разговор исчерпан, и стоявший передо мной человек уже поворачивался, чтобы уходить. О чем бы еще спросить, чтобы не потерять его сразу? Он был настолько из другого мира, чем тот, в котором жила я! И мне очень хотелось еще немного задержаться в этом другом мире.

— Можно пройти с вами, посмотреть, как вы кормите своих водоплавающих? — спросила я с надеждой.

Он пожал плечами, повернулся в сторону дорожки и сделал шаг, а потом ответил с некоторой неохотой:

Евгения Рассказова

— Ну... пойдёмте... Мне вот ещё один мешок осталось рассыпать.

— Спасибо. А как вас зовут?

— Зовут? — удивился мой спутник. И ответил, не оборачиваясь: — Виктор.

— Очень приятно, меня Маша, — сказала я ему в спину. Не очень-то вежливо с его стороны говорить отвернувшись, но я не обиделась. Хотя было странно, как быстро от дружелюбного тона он перешел на отстраненный. Но люди бывают разные, правда же? Может быть, он выбрал себе работу с птицами именно для того, чтобы не общаться с людьми?

Несколько минут мы молча шли в сторону прудов. Дойдя до проволочного ограждения, Виктор взял из тележки мешок с кормом, перешагнул через проволоку и пошел к берегу, туда, где сидело много гусей, лебедей и еще каких-то птиц. Он шел неуклюже, но осторожно, не быстро и не медленно, а дойдя, стал рассыпать корм ровно вдоль кромки берега. На какой-то момент я отвлеклась и стала смотреть на птиц, которые ходили рядом со мной. Пара лебедей вместе перебирали перья. А вдоль забора шла гусыня, и походка у нее была на редкость интеллигентная. Аккуратно наступая на землю, всем своим видом она давала понять, что никому не хотела бы мешать.

— Какая необычная эта птица, — показала я на нее подошедшему Виктору.

— Вы заметили ее? — его голос заметно потеплел.

Виктор присел, гусыня проворно забралась к нему на руки. Поднявшись, он подошел ко мне, поглаживая птицу.

— Она у нас редкая умница. Ее зовут Елена Прекрасная.

— Вы всем птицам даете имена?

— Не всем, только тем, которые... личности.

— А-а, понятно. А почему она забралась к вам на руки, как ребенок? — Я протянула руку, чтобы тоже погладить гусыню по спинке. Крылья у нее были мягкие-мягкие и очень теплые.

— У нее половое поведение смещенное. Запечатлелся человек при рождении. Она в инкубаторе выращена была.

Виктор осторожно опустил Елену Прекрасную на землю.

— Она не улетит? — поинтересовалась я.

— Да нет. Это же зоопарк. Наши птицы не улетают отсюда.

— Да, понятно, — поспешила согласиться я. Как хорошо мне было здесь, в почти пустом зоопарке, рассматривать этих птиц и общаться с этим странноватым человеком. Стоп. А где же моя клетка? Когда она перестала висеть рядом со мной?

— Можно будет мне как-нибудь еще прийти сюда специально... порисовать птиц?

— Конечно, Маша, приходите. Вон в той стороне, на новой территории, наш дом. Спросите, где орнитологи сидят, вам скажут.

Евгения Рассказова

Выходя из зоопарка, я вспомнила про Григория Ефимовича и его противную жену. Надо просто позвонить ему — и все. Я вынула мобильный, набрала номер, услышала его голос — и сразу успокоилась. В двух словах объяснила ситуацию со шторами. Он ответил, что можно совершенно не волноваться по поводу срока сдачи, и спросил, что мне привезти из Италии. Мою просьбу о вине он воспринял с энтузиазмом: «Выпьем вместе, хорошо, Машенька?»

Чижик-чижик, где ты был? Как здорово, что мою птичку зовут чижик. Почему этой женщине, жене Григория Ефимовича, удалось так надолго выбить меня из колеи? Почему вообще люди так часто давят на меня? Может быть, потому что я выбрала себе такую профессию? С одной стороны, художник — то есть человек свободный, с другой — вроде как обслуживающий персонал. Или, может, дело не в профессии, а просто я сама такая, что вызываю желание подавлять? Эти мысли приходят ко мне уже не первый раз. И всегда хочется поежиться и стряхнуть с себя какой-то образ служанки, что ли, который на меня навешивают...

Перекресток, магазин, поворот во двор — вот и дом, и окна квартиры, в которой я живу. Это и есть моя настоящая клетка.

ГЛАВА 3

— Маша, ты? Добрый... вечер. — Алексей вышел в коридор в тот момент, когда я открывала дверь. Потоптавшись около своей комнаты, он по-

шел мимо меня на кухню. — Есть дорогой китайский чай и черная икра. Можешь присоединиться.

— Спасибо.

Я зашла к себе, закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Ненавижу. Ненавижу этого человека. Как ужасно испытывать ненависть. Но рядом с ним ничего другого невозможно. Пытаюсь выпрямиться, но плечи отказываются слушаться. Нестрашно. Это пройдет. Когда-нибудь это кончится.

Полтора года назад я выбрала его сама. Моей Веруне было тогда четыре года, два из них мы уже жили отдельно от ее отца Никиты. Наступило время, когда подумала, что меня никогда уже не будет тянуть к нему. И тогда во мне созрела готовность найти нового мужа.

Приятельница Александра принесла мне переводной роман. У его героини такой девиз: «Хороший брак — это умение что-то делать вместе». Поэтому она выбирает себе спутника с помощью интересного теста: приглашает нескольких ухажеров помочь ей сделать ремонт. И смотрит, кто из них больше всех старается ей помочь и с кем работается легче всего. В результате находчивой красавице достается чудесный парень — умный, работающий, да еще и пишущий стихи.

— Шикарная идея! Ты тоже можешь сделать такой отбор! — заявила мне Александра. — В твоей комнате как раз лет десять не было ремонта.

Евгения Рассказова

— Прекрати! Как это я буду устраивать такое соревнование? Глупость какая-то. И я просто не смогу.

— Во-первых, вовсе не глупость. Это, между прочим, не новшество, а опыт человечества. Все сказки построены на том, что принцессы устраивают принцам испытания. Во-вторых — сможешь. Я в тебя верю.

Александра меня убедила. Ухажеров у меня было тогда четверо. Алексей в этом списке значился — для меня — самым последним. Человек с квадратной фигурой и квадратной головой, он не производил на первый взгляд приятного впечатления.

Мы познакомились в гостях у знакомой, которая, кажется, специально пригласила его, чтобы у меня был кавалер, потому что все остальные гости составляли пары. Так что мне ничего не оставалось, как вести с ним ни к чему не обязывающую беседу, а потом терпеть его провожание до дома.

Через некоторое время он притащил мне хорошего клиента, и после этого я согласилась выпить с ним кофе.

Очень занудно Алексей рассказывал мне о своей работе с ценными бумагами.

— Скажи, а у тебя есть какая-то фраза, которая выражает твое отношение к жизни? — спросила я его, когда мне стало совсем скучно.

Он задумался на секунду.

— Есть. «Покажите мне свои деньги, и я скажу, сколько вы стоите».

Я даже вздрогнула, услышав такое. Но, когда пришло время ремонта, Алексей совершенно потряс

меня. Было видно, что рулон обоев и пачка клея попали в его руки первый раз. Но он страшно старался. Оказалось, что накануне он купил специальную книжку про ремонт. Придя утром ко мне, он первым делом положил ее на табуретку в центре комнаты и делал все по инструкции с невероятной тщательностью, особенно видной из-за того, что Алексей — человек крупный, и все движения его тоже крупные. Обои были поклеены за один день. Стало понятно, что трое других поклонников — интересные, интеллигентные и продвинутые — не идут ни в какое сравнение с Алексеем. А вечером после работы он вел себя со мной с таким напором, что было ясно: он решил здесь остаться. И остался. Ни Верки, ни соседей в тот день не оказалось дома. Утром, уходя на работу, он смотрел на меня сумасшедшими глазами и говорил:

— Я хочу жить с тобой.

А вечером пришел с букетом цветов — совершенно безвкусным, зато очень большим. Просто-таки фундаментальным. Из гладиолусов с пальмовыми листьями, в голубой фольге. Ему хотелось остаться снова, но я сказала:

— Ты занимаешь слишком много пространства в моей маленькой комнате.

И через пару часов он ушел. Но я уже знала, что мне от него никуда не деться.

На следующий день мы должны были встретиться, но перед моим уходом из квартиры соседи-алкоголики, муж и жена, начали драку, в результате у жены было сломано ребро. Мне пришлось вызы-

Евгения Рассказова

вать врача и участкового, дожидаться их, а потом отвезить Веруню к тете Миле. Опоздав на час, я живописала Алексею всю эту историю. Он смотрел на меня глазами, полными ужаса, а потом решительно произнес:

— Маша! Тебя надо спасать!

И вот за три месяца упорного труда, который заключался в непрерывном мозговом штурме с газетой объявлений в руках и бесконечных телефонных переговорах, этот человек добился поставленной цели: без всяких денег он поменял мою комнату на Новолесной на отдельную квартиру в районе Речного вокзала. Она была, конечно, маленькая, на первом этаже, но какое это оказалось счастье — развешаться с соседями! Такого счастья просто не бывает.

Когда Алексей привел меня туда после оформления всех документов, слезы брызнули у меня из глаз, потому что в это чудо невозможно было поверить. Он как-то слегка топорно гладил меня по спине и говорил:

— Ничего, ничего. Завтра здесь можно начинать ремонт. А вы с Верой переедете жить ко мне. Хорошо?

Так он сделал мне предложение.

Мы спали на жестком матрасе, лежащем посреди пустой комнаты. Ночью я проснулась, посмотрела на дышащее покоем лицо Лешки и сказала себе: «Это мой принц. Он спас меня, как настоящий принц спасает из лап дракона настоящую принцессу». Чем дольше я об этом думала, тем больше это покоряло меня. Конечно, внешне Лешка совсем не походил на

принца. Ему не хватало хрупкости, пылкости и душевной тонкости. Но кто сказал, что все принцы должны быть одинаковы? Мой оказался воплощением надежности. Это тот самый случай, когда за ним как за каменной стеной. Ни один из моих более пылких или утонченных поклонников не мог бы совершить ради меня такого подвига.

В форточку всплыла луна, и в ее свете Лешкино лицо впервые стало красивым. Почему раньше мне казалось по-другому? Чувство любви и нежности поднималось во мне. «Я отдаю тебе свое сердце», — прошептала я неслышно, чтобы не разбудить его. А потом какое-то время сама вслушивалась в эту фразу. Понятно, что она тоже из какой-то сказки про принцев и принцесс.

Я попыталась представить себе, как это можно сделать: некий невесомый образ сердца, золотистый и переливающийся, выплывал из моей груди и плавно переносился — куда? Было непонятно. Картинка остановилась. Вот мое сердце, оно такое красивое, сияющее — оно сейчас находится в пространстве перед моими глазами — куда сейчас оно должно полететь? К его руке? К его груди, где находится его сердце? И что же, оно там останется? Должно остаться, если я сказала, что отдаю его ему. Моя голова не справлялась с этой пространственной задачей. И я поняла, что на самом деле отдать свое сердце невозможно. Потому что у меня же внутри останется пустое место. Глупость какая-то. О чем это я? Что такое сейчас со мной творится?

Евгения Рассказова

Я встала, осторожно подошла к окну и повесила свое легкое платье на гвоздики, торчащие из рамы, чтобы получилась занавеска. Мне по-прежнему виделось, что мое сердце находится вне меня, рядом со мной. И оно не хочет далеко улететь и принадлежать кому-то другому. Оно хочет вернуться обратно, на свое место. Я осторожно перенесла его внутрь себя — там оно перестало так сильно сиять, но ему было там хорошо. Мне казалось, что оно дало мне об этом знать, может быть, даже произнесло эти слова — «Мне хорошо». Я глубоко вздохнула, как будто мне не хватало воздуха. Время остановилось. Что же это за слова: «Я отдаю свое сердце тебе»? Кто это придумал? Многие ли люди отдают свои сердца кому-то? Они действительно делают это? Что происходит с ними потом?

И еще — другие вопросы. Только что я говорила со своим сердцем, как будто оно — отдельное от меня существо. Это нормально? Это не раздвоение личности?

И, наконец, мысль, которая приходила ко мне не первый раз: я не такая. Я какая-то не такая, как все. Я не могу нормально чувствовать. Даже такую простую вещь, как любовь. И — сразу вслед: лучше никому об этом не говорить. Это нужно запрягать как можно глубже. Как можно глубже.

Лицо Алексея уже было покрыто тенью. Волшебство ушло. Я не буду больше много думать над всем этим. «Я просто буду жить с тобой. И рожу тебе ребенка», — снова произнесла я беззвучно, а он засопел и шумно перевернулся на другой бок. В ту ночь мне удалось заснуть только на рассвете.

* * *

Когда через полчаса я вышла из комнаты, Алексей еще сидел на кухне с газетой. Как всегда, первым, что я увидела, садясь за стол, была наша фотография. Мне все казалось, что он должен ее выкинуть, но она продолжала висеть на стенке. На ней мы вдвоем сидим за столиком в кафе. Один Лешкин знакомый сказал ему, увидев эту карточку: «Какая пронзительно красивая женщина». Леша передал мне эти слова в тот же вечер. Я, правда, не считаю себя красивой, тем более — пронзительно. Мои волосы кажутся там золотыми, хотя в жизни они скорее каштановые. Щеки как будто покрыты румянами, и их слишком много. Нос получился короче, чем есть на самом деле (вообще-то он у меня длинный и не совсем прямой), потому что голова немного закинута назад, а на лице — остаток улыбки после анекдота про ежика в тумане. Анекдот рассказывал тот, кто делал фотографию. Он сам и смеялся, и снимал. А вот лицо Алексея запечатлелось на карточке мрачным и неподвижным.

Я перевела взгляд с изображения на оригинал, шуршащий газетой за столом. Алексей налил мне чаю и почти бесстрастно спросил:

— Ты не против, если компьютер останется у меня? Я отдам тебе твою долю — 800 долларов.

Я чуть не расхохоталась, но сдержала себя.

— Конечно, оставляй.

Остатки моей ненависти растворились окончательно. И даже презрения не возникло. Было просто смешно.

Евгения Рассказова

— Кино и музыку лучше, наверно, тоже оставить здесь. Они великоваты для той квартиры. Я подсчитаю, сколько это будет стоить.

— Да-да, конечно. Подсчитай, — автоматически поддакнула я, ощущая уже почти полное спокойствие.

Может быть, потом я пожалею, что не поторговалась с ним за все эти вещи, но сейчас для меня важным было одно: только бы пережить этот развод и уйти. Оставалось 28 дней до конца того срока, когда с квартиры на Октябрьском Поле должны съехать жильцы. Мне не удалось договориться, чтобы они уехали раньше. Двадцать восемь дней. Я знала, что буду считать в этих днях каждый час.

ГЛАВА 4

Стояло солнечное ноябрьское воскресное утро. Мне захотелось повидать Веруню. Она жила пока у тети Милы в мастерской на Вавилова. Поэтому, выйдя из мебельного салона на Ленинском проспекте, уже у самой площади Гагарина, я пошла вперед, к подземному переходу. В салоне мне отдали комиссионные за покупку итальянской кухни для одних моих клиентов, я шла и соображала, какие подарки куплю сейчас своим женщинам. Надо сказать, эти комиссионные — мой самый надежный заработок. И самый большой. За собственную оригинальную работу никогда не получишь столько, сколько за приобретение мебели твоими клиентами. И, в общем-то, это немного обидно. Но, с другой стороны, здесь есть свои плюсы: менеджеры мебельных салонов

всегда стараются дружить с тобой, приглашают на какие-то выставки, где можно познакомиться с нужными и интересными людьми, в том числе и с возможными клиентами. Именно хозяйка одного салона год назад предложила мне поместить фотографии квартиры, которую я оформила, в большом глянцевоm журнале. После этого неожиданно для себя я стала модным дизайнером. Меня даже разыскивали через редакцию журнала. Правда, для того, чтобы поддерживать репутацию, надо было заниматься публикациями специально, а у меня не хватало на это времени. Но надо, надо найти время. Что же купить Веруне? Ах да, она же просила киндерсюрприз из серии с лисичками... Но хочется порадовать ее чем-то еще.

До перехода оставалось всего несколько метров, когда раздался пронзительный свист. Пересекая проспект по диагонали, от разделительной полосы в мою сторону летела машина. Я застыла на месте. Она летела на меня... Прямо в центре моей головы произошла как будто вспышка света, которая на мгновение сковала меня всю. Время почти остановилось... Машина летела с огромной скоростью, но в то же время как-то замедленно. Я успела просчитать, влетит она в меня или нет. Мне показалось, что нет, и я не стала двигаться с места. На последних десяти метрах было уже совершенно понятно, что машина летит не в меня, а в цветочный киоск. Но все равно было страшно. В последний, кажется, момент перед встречей машины с киоском открылась водительская дверь, и из нее на асфальт ката-